

5

Встречи с большими ТЕАТР мастерами

Идут последние спектакли театра имени Моссовета в Киеве. Прощаясь с ним (надеемся, ненадолго), хочется сказать о том, что больше всего впечатляет в искусстве его мастеров — в игре Н. Д. Мордвинова, В. П. Марецкой, Л. П. Орловой, Р. Я. Плятта, С. Г. Бирман и других.

Это прежде всего мастерство перевоплощения.

Не только игра, какой бы она ни была совершенной, не одно лишь обаяние актера — свойство врожденное и умноженное трудом, а именно перевоплощение, когда на три часа сценической жизни актер самоотдачей отдает себя полностью слиянию с образом.

Зритель, конечно, узнает любимых актеров, в наком бы облике они ни появились перед рампой. И все же, уходя из театра, очаровательный виденным и пережитым, в плену у разбужденных мыслей, он доводит себя на том, что с ним остались не Мордвинов, а Арбенни, не Марецкая, а Мария Александровна Москалева, не Орлова и Платт, а Патрик Кемпбел и Барнард Шоу.

Четверть века живет Н. Д. Мордвинов в образе Арбенни из «Маскарада». Четверть века его Арбенни обжигает пламенем страстей, волнуется напрасным стремлением порвать связывающие его путы. Все глубже артист проникает в истоки трагедии человека, порожденного и раздавленного николаевским «светом». В «Маскараде», по-новому прочитанном Ю. А. Завадским и И. С. Анисимовой-Вульф, яснее проступило пермяковское, автобиографическое в образе героя драмы. Арбенни Н. Д. Мордвинова еще раз напоминает, что талант — это неустанный труд.

А его Забродин в «Ленинградском проспекте» И. Штока поражает способностью актера удивлять и открывать. Удивляет неожиданностью рисунка в «бытовой» шпуре, необычной, несвойственной романтической дару актера. Н. Д. Мордвинову как-то сказали, что не сыграть ему так человека яших дней, если бы он предварительно не сыграл Ляра. Возможно и так. Но главным в том, что в Забродине, лишенном привычных романтических черт, артист увидел и раскрыл могучий характер щедрого и доброго нашего современника, а под покровом будничных дел и поступков — простоту и величие души рабочего человека. Поражает достоверность характера, всамделишность всего, что делает Забродина, напыль и заболтавший муж и отец, гневный и непримиримый барод со злом и его носителями. Какой объемный, многогранный психологически сложный образ создан в этой роли артистом!

Любовь Орлова — Патрик Кемпбел царит всевластно в спектакле «Милый джец». Она очаровывает не только Шоу, а и тех зрителей, которые вместе с обоним персонажами пьесы переживают возможные письма. И как же поверить, не помня старого и мудрого писателя, много лет назад обретшего родственную душу, восхищенного обаянием и талантом Патрик Кемпбел, перед которым бессильно время.

В словесном дуэте Л. Орловой и Р. Плятта оба голоса звучат одинаково сильно, можно, проинкиновено, обращаясь к самым интимным сторонам — струнам человеческой души.

Сложный и казался бы противоречивый характер Шоу открывается грань за гранью в своей неповторимости. Удивительно цельный этот мудрый и воинствующий художник в своем презрении и обществе, ему чуждому и казному писателю ядом сатиры, убийственными парадоксами, под которыми скрыта острая боль одиночества.

Необычайно волнует история дружбы и близости великой английской актрисы и писателя, раскрытая в задушевных письмах-испове-

дях, письмах-словесных поединках. В них поднята завеса над раздумьями двух замечательных людей о жизни и смерти, любви и дружбе, войне и мире. В зале — тишина, зритель боится пропустить хотя бы одно слово в этом восхитительном дуэте.

Мы сказали: Любовь Орлова царит всевластно, ничуть не умаляя при этом роль ее замечательного партнера. Хотелось только подчеркнуть, что обаяние, получаемое Патриком Кемпбелом — Л. Орловой, ее светлый ум, неиссякаемое жизнелюбие, искриющийся талант осветили и согрели жизнь и творчество ее великого друга. Светом поэзии озарено и необычное сценическое зрелище, осуществленное на сцене театра имени Моссовета режиссером Г. Р. Александровым.

В недавно поставленной Евгением Завадским и тоже показанной в Киеве пьесе «Цезарь и Клеопатра» Ростислав Платт как бы продолжил сценическую жизнь Барнарда Шоу. И если уж говорить о переодевании, то, пожалуй, оно проявилось у Р. Плятта в этом спектакле с особенной силой: ведь он играет не только Юлия Цезаря, но и самого автора пьесы.

Вунтарь и «мистификатор» Шоу оказался близким нашему зрителю. Его разящие удары против мешающего, ханжества, кровопролития, захватнических войн — отзвучивают, как гулким эхом в зале. Несомненно оживающая театром парадоксы Б. Шоу в устах Р. Плятта бьют в цель без промаха, направленные в адрес нынешних колонналетов, сторякинов «эволюция с позиций силы».

Они дополняют один другого. Великий скептик и провокатор Шоу, прекрасно разглядевший нюанс блестящего фасада империализмической Англии, и умудренный опытом, усталый, циничный, но в чем-то монументный как римский цезарь, когда он образывает с себя маску покаянного величия.

Вера Марецкая играет Марию Александровну Москалеву в «Дядюшкином сне» (по Достоевскому), доведенном постановщиком И. Анисимовой-Вульф до сценического гротеска. Театр делает смелую и во многом удачную попытку открыть Достоевского-сатирика.

Нелепая задача выпала на долю актрисы. Ведь ей приходится играть «первую даму» в чуждом городе Мордасове. А Мария Александровна сама непрерывно играет роль. В этом непрерывном действии неутомимой дамы, в неожиданной смене ее планов, хитроплетенной интриги она представляется то любящей матерью, то гордой светской дамой, хоть иногда, не сдержав себя, обнаруживает обличье несвободной, пошлой и недалекой мешанины.

Если сценический рисунок В. Марецкой остается в пределах гротеска, то оживающая фигура Софьи Петровны Карпухиной, мастерски вылепленная Саррафиной Бирман, выходит за пределы режиссерского замысла. Ее Софья Петровна уже не столько смеит, сколько ужасает. Трагикомическая основа повести Достоевского с особенной яркостью проступает в двух эпизодах, где смешная, страшная и отвратительная фигура Карпухиной омазывается в центре действия.

Да, не один молодой актер может хорошей завистью позавидовать своим сверстникам и товарищам, которым посчастливилось работать в театре, руководимом Юрием Завадским. Им есть у кого учиться искусству перевоплощения. Не случайно театр имени Моссовета обычно еще называют и театром Завадского. Именно ему, режиссеру-новатору и педагогу, коллежке многим обязан. И прежде всего — советами актерских дарований, сплоченных руководителем в коллективе одоумовцев, открылкий благородной целью.

Яков ГАН.